

Н. Д. Попов
(Кота)

Вспоминаю отца. Мыслитель

Лирическое эссе

12+

Николай Попов
Вспоминаю отца. Мыслитель

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Попов Н. Д.

Вспоминаю отца. Мыслитель / Н. Д. Попов — «ЛитРес:
Самиздат», 2019

Понять родителей – это понять свое начало и понять – зачем Я... Отдельные воспоминания об отце, которые, если не записать, исчезнут вместе со мной.

Содержание

*	6
*	8
*	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Понять родителей – это понять свое начало и понять – зачем Я...

Однажды, в дни после возвращения из армии, меня мучило ощущение зависимости от обстоятельств, причем то, что «молодым везде у нас дорога», звучало не просто громкой призывной песней, а издевательством. Душа полна порывов, а она натывается на искусно выстроенные препятствия неведомой мастерской рукой – нет проходов, нет возможности взлететь... и нет ариадновой нити.

Не связывалось это ощущение ни с мыслями основоположников нашего социалистического уклада жизни, ни с представлениями, рожденными в школьных стенах... тычешься безрассудно в разные закутки бесформенного лабиринта до потери ощущения жизни и самого себя... страшно, потерять себя!.. глаза туманно смотрящие ни во что, глухо давящая пустота в голове, разрывающая боль в левой части груди – остальное не видимо, не осязаемо... Ужас и безысходность, от которых не спрячешься, ничем не заглушишь и не заменишь...

Ничтожные мечты сжались в невидимое и не способны распрямить крылья молодым идеалистам, впитавшим теорию жизни, но отталкивающим жизнь, как несовершенную реальность, а потому непригодную для познания... где же выход?... Спрашивая отца: как в минуты отчаяния он выходил из положения?... Отец смеялся маскируясь беззаботностью, а в глазах плясала лукавинка и немногословно и без замысловатости отвечал:

– Отчаяние? ... что это такое? Может, мне некогда было его почувствовать или не хватило ума понять? ... вопрос паршивой «антилегенции»... – сейчас он вкладывал в «антилегента» горестную способность мучительного выбора. В течение какого-то времени отец перевернет в памяти ни один день из своей жизни и, совсем невпопад моего настроения, скажет выстраданное и сформулированное, только его языком, понятие.

– Если тебя взяли за глотку... не пытайся разжать душителю руки – бесполезно, этим ему в помощь... Надо сделать так, чтобы душителю отпустил руки сам, спасаясь от боли... – и добавит народной мудростью: «клин клином вышибают», – я удивлюсь не понимая, к чему сказанное, но, знакомые лукавинки в его глазах, напомнят и ... сотворю глупость, которые творят люди, жаждущие опровергать то, что им не понятно, а значит не нужно в данную минуту.

– Батя ты рассматриваешь все через призму схватки, драки, а ... борьба – это высокое, но не совсем доброе и вы, старики, не должны нас борьбе учить... честная борьба – она не за выживание, а за возможность познавать...

– Начитался! – с обидой и укором скажет отец, – жизнь – драка или отсиживание в кустах, такой я ее видел, а ... твои слова... о честной борьбе – «антилегентская» вшивость, – вложит в «антилегента» способность болтать, но ни черта не делать, и ... уйдет разочарованный в моей способности понять жизнь.

Мне казалось, – прислушиваясь к мыслям великих, что труд и работа может вывести из отчаяния, убить безысходность, дать выход на нужную стезю, ... но у меня не было дела, которому можно было отдать себя – за чтобы ни хватался, даже с увлечением, но по прошествии некоторого времени становилось ненужным ... Мысленно представляя, что сказал бы на это отец: «разбрасываешься... нет главного – для чего ты... надо вращать в дело и только в одно, а по другому – антилигентность (в смысле беспутность).

– Митя, надо сходить походатайствовать, – принимает решение мать после долгого и яростного обсуждения какого-либо житейского вопроса не зависящего от них самих (сколько таких вопросов, которые от нас не зависят, но мы в них кровно заинтересованы, а вот исполнить не можем – обязанность какого-то дяди).

– Валентина... как всегда – права, – соглашается отец и вносит свое предложение: собирайся и сходи... читать умеешь, разбираешься в законах... – из-за этого предложения возникает спор, выяснение отношений на повышенных тонах... первым не выдерживает, как всегда отец.

– Доставай китель... документы... сползаю поприсмыкаюсь...

– ... ведь для себя и за свое...

– Маразм в том, что за свое... мне его должны принести и извиниться, если не вовремя принесли... а я...

– ... а ты, не начальник, поэтому ползи, – различные у отца с матерью идеологические воззрения на суть человеческую, но это не мешало им находить между собой общий язык и подчиняться обстоятельствам – единогласно.

Отец надевал китель, поправлял ордена, медали. Мать смахивала пылинки. Как и год назад, замечала потрепанность кителя... подшить бы... хваталась за иголку с ниткой... отец останавливал «сойдет... вернусь, будешь с ним возиться»... Мать вдруг замечала:

– Митька, брюки, одень порядочные...

– Сойдет, – отмахивался отец, – в кабинетах на низ не смотрят...

– Там на все смотрят, – настаивала мать, с силой снимая затасканные штаны, ты в галошах еще вздумай пойти...

– А что?... в галошах удобно – мозоли не жмут, а в этих каркалыгах, как в тисках.

– ... чаще надевать надо, давно бы разносил... три года как купила...

– ... на свою ногу, наверное, примеряла...

– ... да нет, Мить, мужчина мерил, у него тоже сорок второй размер...

– ... «мужчина»... может у него пальцы отрублены ... и вообще, почему какие-то мужчины должны мерить для меня обувь?... может еще что мерил?...

– ... дурак... дураком подохнешь... одевай свои шмотки и с глаз долой...

– ... Валюш, не ругайся, дернул черт за язык...

– Твой язык только черти и дергают... ты в кабинетах не наговори... изматеришься, как у себя на работе... твои работяги понимают...

– ... и там поймут, особенно, когда в тригоспода выдаешь... спасибо, мать, подсказала... рассуждал, как с ними разговаривать... теперь знаю... поговорим..., – и он шел «ходотайствовать».

В шестьдесят первом году бюрократия была еще сердечной – отказывала в чем только могла, а удовлетворяла всеми, что было ей не нужно – еще не напридумала изощренных методов уклонений от приемов, да и «ходотайствовали» единицы, заслуженных было мало...

Позже с появлением льгот по различным разрядам жизни, народ распоясался – все льготы кинулись по кабинетам, всем что-то надо. Пришлось увеличить количество кабинетов, при этом констатируя, что всем надо дать требуемое, а этак от государства ничего не останется... и оно на деле, а не на словах, превратится в «наше», то есть из рук бюрократов перейдет в руки народа... что не честно, решили бюрократы и придумали простую вещь... народ «тащит» все, что может у государства, но мимо окон кабинетов, через дырки в заборе и, если получится, незаметно от милиции, а они на своих плечах будут «тащить» само государство...

лозунг: «государство – это мы» навечно и реально соединит бюрократа и народ – доля у них оказалась единой...

А что отец?... в кабинетах он никогда не ругался, а его скромные запросы были всегда удовлетворены... ему не приходилось особо открывать рта, так для посторонних слов.

– Милая, не продувает?... гляжу, низом ветер гуляет и начальник моложавый? – от стыда подальше, запускали в кабинет пораньше, а там другие слова.

–А-а, Витюха! (сын соседа Василя Рошаненки, который числился в отцовском табеле о рангах «кулаком» и «хитрожопым антисоветчиком»)... ну и кресло у тебя скрипучее... у бабы Моти табуретки меньше скрипят...

– Дмитрий Сергеевич, вы по этому?... Я подписал... – и больше не было вопросов.

В пятнадцатилетнем возрасте, как-то потребовались деньги для чепуховой вещицы. Невозможность их достать, привела к озлобленности – слишком мало денег водилось в семье при огромной их потребности. Зарождались грустные мысли о несправедливости, вся нелепость, в моем понимании, исходила от неумения делать деньги моим отцом, но иметь кучу детей и внуков, среди которых и я – насчастный и незачем рожденный. Моя озабоченность усугубилась от, как мне показалось, легкомысленных и издевательских слов.

– Не в деньгах счастье, а в умении от них отказаться, отец лукаво улыбался, чем еще больше досадил и я выпалил.

– Настрогал нас, а обеспечить не смог! – Господи! Как изменилось его лицо... стало черным и мрачно пустым... До сих пор простить не могу себя за несдержанность и сердцесжимающее оскорбление. Никогда ранее не слышал от него оправданий своим поступкам, но сейчас он выдал тоскливое признание.

– Я бы мог, если б мне дали, – в ту минуту оправдание отца казалось абстрактным... оправдание ради оправдания... сказать, чтобы не молчать... сказать, чтобы облегчить душу. Позже понял смысл сказанного отцом... Раскрыв систему, в которой мы жили, познав ее своим горбом и шишками – убедился, что без мерзости и обильного пота в этой системе не прожить на уровне своих потребностей. Мерзости не хочется, тем более прилипшей дерьмом, а обильного пота не жаль, если знаешь, что результаты остаются в твоих руках хотя бы наполовину.

В родовой деревне, где все значились под кличкой Зябловы, у Трофима Зяблова родились два сына, Михаил и Сергей. Старший – Михаил, женившись, остался в доме отца, а Сергею с его красавицей женой Анной, построили избу на другой стороне улицы. Михаил воспитывал только одну дочь, которая в 18 лет в другой деревне создавала новую семью. Сергей замахнулся на мужское потомство, у него четверо сыновей

Родословная по линии отца проста и семейной памятью фиксируется дедом Сергеем Поповым, получившим свою фамилию в рязанской губернии при паспортизации в 1884 году. Первая с церковью сторона улицы получила фамилию Поповы, а левая осталась Зябловы, и получилось, что два брата Михаил и Сергей стали жить под разными фамилиями.

Отца спрашивал... кто был его дед с бабкой?... отец пожимал плечами, посмеивался: «Бог их знает!.. пол деревни бабушки и дедушки, а кто родные – не знаю... да и кто знал?... вся деревня родственники».

Дед Сергей умер сравнительно молодым, в 36 лет... от тоски и любви к жене, скончавшейся при родах годом раньше. Но более всего дед терзался виной за смерть супруги, считая себя главным виновником – впервые за 16 лет супружеской жизни ударил Анюту... нахлынула волна ревности, показалось, что забеременела не от него, а она в ответ смеялась, как бы соглашаясь с его подозрениями... ударил... не осознав, как нанес удар, но ее боль пронизала его и... осталась в нем до последней секунды жизни...

Дед Сергей оставил этот мир, когда отцу было пять лет, братьям отца, Михаилу – шесть, Константину – двенадцать, а Петру – шестнадцать. Чтобы сохранить хозяйство, дом и детей с чистыми лицами, многочисленные родственники – вся деревня, женят Петра на справной женщине на полтора десятков годков постарше и ... была любовь, и родилось у них дочка Ирина и двоюродная сестра для меня, одногодка моей матери...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.